

писал о том же в своём рассуждении «О дружбе» (Convivio II, 13). Его горе настолько улеглось, что, когда одна молодая красивая дама взглянула на него с участием, соболезнуя ему, в нём проснулось какое-то новое, неясное чувство, полное компромиссов, со старым, ещё не забытым. Он начинает уверять себя, что в той красавице пребывает та же любовь, которая заставляет его лить слезы. Всякий раз, когда она встречалась с ним, она глядела на него так же, бледнея, как бы под влиянием любви; это напоминало ему Беатриче: ведь она была такая же бледная. Он чувствует, что начинает заглядываться на незнакомку и что, тогда как прежде её сострадание вызывало в нём слезы, теперь он не плачет. И он спохватывается, корит себя за неверность сердца; ему больно и совестно. Беатриче явилась ему во сне, одетая так же, как в тот первый раз, когда он увидел её ещё девочкой. Это была пора года, когда паломники толпами проходили через Флоренцию, направляясь в Рим на поклонение нерукотворному образу. Данте вернулся к старой любви со всей страстностью мистического аффекта; он обращается к паломникам: они идут задумавшись, может быть о том, что покинули дома на родине; по их виду можно заключить, что они издалека. И должно быть – издалека: идут по неизвестному городу и не плачут, точно не ведают причины общего горя. «Если вы остановитесь и послушаете меня, то удалитесь в слезах; так подсказывает мне тоскующее сердце, Флоренция утратила свою Беатриче, и то, что может о ней сказать человек, всякого заставит заплакать (§XLI). И „Обновлённая жизнь“ кончается обещанием поэта самому себе не говорить более о ней, блаженной, пока он не в состоянии будет сделать это достойным её образом. „Для этого я тружусь, насколько могу, – про то она знает; и если Господь продлит мне жизнь, я надеюсь сказать о ней, чего ещё не было сказано ни об одной женщине, а затем да сподобит меня Бог увидеть ту, преславную, которая ныне созерцает лик Благословенного от века“.

Так высоко поднятым, чистым явилось у Данте его чувство к Беатриче в заключительных мелодиях «Обновлённой жизни», что как будто готовится определение любви в его «Пире»: «это – духовное единение души с любимым предметом (III, 2); любовь разумная, свойственная только человеку (в отличие от других сродных аффектов); это – стремление к истине и добродетели» (III, 3). Не все посвящены были в это сокровенное понимание: для большинства Данте был просто амурным поэтом, одевшим в мистические краски обыкновенную земную страсть с её восторгами и падениями; он же оказался неверным даме своего сердца, его могут упрекнуть в непостоянстве (III, 1), и этот упрек он ощущал, как тяжёлый укор, как позор (I, 1). Ему хотелось бы забыть мимолётную неверность сердца, восстановить для себя и для других внутреннюю цельность – и он вносит поправку в автобиографию, убеждая себя, что неверность была только кажущаяся, перерыва не было; что та сострадательная красавица, которая видимо нарушала его чувство, в сущности питала его: она не кто иная, как «прекраснейшая и целомудренная дочь Владыки мира, та, которую Пифагор назвал Философией» (II, 16). Философские занятия Данте как раз совпали с периодом его скорби о Беатриче: он жил в мире отвлечений и выразивших их аллегорических образов; недаром сострадательная красавица вызывает в нём вопрос – не в ней ли та любовь, которая заставляет его страдать о Беатриче. Эта складка мыслей объясняет бессознательный процесс, которым преобразилась реальная биография Обновлённой жизни: мадонна Философии готовила пути, возвращала к видимо забытой Беатриче.

Когда на 35-м году («на половине жизненного пути») вопросы практики обступили Данте с их разочарованиями и неизбежной изменой идеалу и он сам очутился в их водовороте, границы его самоанализа расширились, и вопросы общественной нравственности получили в нём место наряду с вопросами личного преуспевания. Считаюсь с собой, он считается со своим обществом. Ему кажется, что все плутают в тёмной чаще заблуждений, как сам он в первой песни «Божественной Комедии», и всем загородили путь к свету те же символические звери: пантера – сладострастие, лев – гордыня, волчица – любостыжание. Последняя в особенности заплонила мир; может быть, явится когда-нибудь освободитель, святой, нестяжательный, который, как борзой пёс (Veltro), загонит её в недра ада; это будет спасением бедной Италии. Но пути личного спасения всем открыты; разум, самопознание, наука выводят человека к разумению истины, открываемой верою, к божественной благодати и любви.

Это та же формула, как и в «Обновлённой жизни», исправленной мирозерцанием Convivio. Беатриче уже готова была стать символом деятельной благодати; но разум, наука представляются теперь не в схоластическом образе «мадонны Философии», а в образе Вергилия. Он водил своего Энея в царство теней; теперь он будет руководителем Данте, пока ему, язычнику,